* * *

Твердят, что от себя не убежишь
И самого себя не превозможешь;
Свои не переступишь рубежи.
А я всё время лезу вон из кожи...

И как же тут не выйти из себя,
В который раз признав своё бессилье!
Но, собственную шкуру не любя,
Я верю, что ещё пробьются крылья...

Другим не видно, да и всё равно,
Что в гонке дня и вечером за чаем,
Наедине с бессонницей – давно
Я лезу вон, из шкуры вырастая.

И чувствую: она и не моя,
Иначе бы мой дух не отвращала!
А дух расправит крылья – вырвусь я,
Свободу принимая, как начало.

Терпение

Приходилось лицо подставлять под отточенный скальпель,
Как иному – смиренную щёку свою под удар.
У терпенья – последних – несметное множество капель,
Из которых любая – цены не имеющий дар.

Переполнена чаша, но сила привычки известна.
И немыслимо жить просто так, ничего не терпя.
Как иному судьба милосердная неинтересна,
Так и я с упоением скальпель точу на себя.

И бездонною чашею, выпитой наполовину,
Ощущая привычку терпеть и терпеньем дыша,
Под удары судьбы кто-то ставит с готовностью спину –
У меня под ножом замирает моя же душа...

* * *

Только бы выяснить, Бог или всё же лукавый
Строит преграды и тайно творит в тишине
То ли моё преступление – так, для забавы, –
То ль за мои же грехи наказание мне.

Чувствую, не избежать ни того, ни другого:
Нервы – ни к чёрту. Ни к Богу...
А всё потому,
Что нарушаются замыслы снова и снова –
Все мои лучшие замыслы.
Кем – не пойму.

Лучшее только к тому изначально сводилось,
Чтобы суметь доказать, что я тоже люблю.

Как же теряются письма, скажите на милость?
Кто же благие намеренья сводит к нулю?

Или они у меня от лукавого, Боже?
Ты не даёшь совершить мне какое-то зло?
Если же так, отчего Ты добру не поможешь,
Чтобы во имя любви моей произошло?

Не помогает.
Наверное, Богу известно...
Богу вся истина, как на ладони, видна...
Что не моими руками – поистине, честно –
Делать добро.
И любовь-то моя не нужна...

Судьба и суд

Теперь я просто жду,
Надежд не воскрешая
На то, что лучший день ещё настанет мой.
Я жду – своей судьбы.
Она уже большая
И всё решает так, как нужно ей самой.

Теперь понятно мне, что нужно ей немного.
Успеть бы убедить заранее меня:
Мол, грянет Судный день – так знай, осудят строго;
А лучшего не жди, мол, никакого дня.

Его я и не жду.
Ни лучшего, ни лучше
Хотя бы, чем вчера, сегодня... и всегда...
Я жду – своей судьбы.
Она меня научит,
Как встретить приговор грядущего Суда.

Привыкаю

Можно привыкнуть ночь проживать без сна.
Можно привыкнуть день проживать без хлеба.
Можно привыкнуть жизнь проживать без дна
И без покрова – между землёй и небом.

Так и застыть в Пространстве меж двух огней,
Ни глубины, ни выси не постигая.
Непостижимость эта – привычна мне,
Как недоступность Истины, Бога, Рая...

Так и застыть во Времени – без огней
В прошлом и будущем, не находя в них смысла.
Их беспросветность также привычна мне,
Как в настоящем – тьма.
Где вся жизнь зависла...

Так же висеть – не на персте ли Отца,
Промыслу не вверяясь душою грешной?
Я привыкаю вешаться без конца,
Дна под собою не чуя во тьме кромешной.

К ответу

У меня к Тебе – одни вопросы.
Ты с меня потребуешь – ответ.
Для ответа мне не хватит прозы:
Я привыкну думать, как поэт.

Я привыкну думать, что стихами
Отвечать – поэта долг и честь.
Но грехи останутся грехами,
А душа – такой, какая есть.

И в душе останутся вопросы,
Жажда Истины и те грехи...
Я отвечу. Пусть не хватит прозы.
За себя ответят и стихи.

До встречи

Без меня никуда не деваются солнца свет,
Истерия дождей, ностальгия снегов по небу...
Всё как было, когда обо мне здесь и речи не было.
Всё как есть, невзирая на то, что как будто нет –

Без малейшей какой-то без малости – нет меня.
И неважно, что нет, что однажды совсем не станет.
Только важно, что Время сегодня ещё не встанет
Во Вселенной, биение пульса её храня.

Продолжая биение, Время идёт туда,
Где не думает солнце когда-нибудь очутиться;
Где не думают быть небеса, и земля, и птицы...
Но мы встретимся там, во Всегда – или в Никогда.

На пороге

Душа, перерастающая тело,
Стремится к выходу за все пределы
Земного, мыслимого Бытия.
До временных препятствий нет ей дела:
Чуждаясь Времени, душа б хотела
Привыкнуть, что для Вечности – своя.

И на пороге Вечности готова
К тому, что там она пребудет в новом –

Немыслимом, небесном – Бытии.
Воздастся и по вере, и по Слову.
И весь исход ей будет продиктован
Тем, как перерастала дни свои.

Беру пример

Сердце никогда не заживёт.
Но при этом всё-таки живёт.
Значит, хочет. Слишком сильно хочет.
У него вопроса нет: «Зачем?»
У него других полно проблем.
И ему, я знаю, трудно очень.

Сердце, брать пример хочу – с тебя.
Если – и печалясь, и любя –
Чувствую, насколько тяжело мне:
Превозмочь ни горе не дано,
Ни любовь, что с горем заодно, –
О твоём превозможенье помню.

Как не помнить? Боль твоя – во мне,
За решёткой рёбер – в тишине,
Чьё дыханье только я и слышу.
И не потеряю этот слух.
И беру пример – смиряю дух.
Чтобы он взлетел как можно выше.

Пятый угол

В четырёх стенах запрусь, чтоб отыскать
Сокровенный пятый угол.
Там становится заклятая тоска –
Самой верною подругой.

Той заветною печалью, что меня
Очищает понемногу.
Света белого в порыве не кляня,
Учит, как молиться Богу.

Как, скорбя, за то прощения просить,
Что лукавый вновь попутал.
Учит верить, что спасительную нить
Бог протянет в пятый угол.

Слёзы

Если я и плачу снова,
Слёзы эти видишь только Ты.
Людям ничего такого
Не заметно из-за суеты.

Сколько суеты на свете,
Господи! Я знаю наперёд:
Если кто-то вдруг заметит,
Смысла этих слёз не разберёт.

Ты – поймёшь, и Твоего лишь
Я прошу прощения за то,
Что который раз позволишь
Не считаться с общей суетой.

Здесь чему ещё и верят,
Так сухой, бесслёзной злобе дня.
Только Ты по крайней мере
И слезам поверишь, и в меня.